

Политическая загадка постсоветских левых

Вопрос о создании «настоящей» левой партии в России, Украине и в других постсоветских странах остается темой бесконечных дискуссий на протяжении двух десятилетий после распада СССР. Крушение старой системы сопровождалось всплеском антикоммунистических настроений среди интеллигенции и даже значительной части рабочего класса, однако уже в 1992-93 годах сопротивление капиталистической реставрации начало набирать силу. В значительной мере идеологический вакуум, вызванный дискредитацией официальной идеологии советского «марксизма-ленинизма» и нарастающим разочарованием в либерализме, начал заполняться различными формами национализма, православного фундаментализма и постимперской ностальгии. Однако показательно, что несмотря на широкое распространение различных правых идеологий (в случае Украины мы видим даже одновременное сосуществование великорусского и украинского шовинизмов, ведущих бесконечную борьбу друг с другом), эти течения оказались неспособны стабилизироваться и консолидироваться ни политически, ни даже идейно. Не помогли ни впечатляющие финансовые вливания, ни наличие собственных средств массовой информации (вроде московской газеты «Завтра»), ни даже доступ к телевизионному эфиру. Правый национализм присутствует в обществе

как постоянная, но политически не-оформленная величина.

Предпринимались и неоднократные попытки «скрестить ужа с ежом», подперев национализм советской традицией, левацкими лозунгами, радикальной эстетикой или даже левой социальной программой. Подобные образования также возникали регулярно, но с такой же регулярностью и распадались. Наиболее поучителен в этом плане опыт российской Национал-большевистской партии, которая окончательно развалилась именно в тот момент, когда в воздухе действительно запахло политикой.

Что касается левых, то, на первый взгляд, картина выглядит несколько лучше, поскольку сразу же после распада Советского Союза сформировались новые коммунистические партии, предложившие себя в качестве альтернативы неолиберальной власти. С электоральной точки зрения левые в 1990-е и даже в начале 2000-х годов могли восприниматься как некоторая сила. И дело даже не в том, насколько партии, называвшие себя «коммунистическими», в действительности являлись таковыми. Идеология Коммунистической партии РФ изначально представляла собой дику и эклектическую смесь обломков советского марксизма, соединенных с православием, национализмом, «теорией заговора», популистской риторикой и даже

белогвардейщины, объединенных в единое целое исключительно тотальным оппортунизмом её руководства. Совершенно ясно, что с такой теорией невозможно выработать не только внятную стратегию, но даже сколько-нибудь последовательную тактику. Однако избиратели КПРФ были в большинстве своем левыми и голосовали за эту партию именно потому, что по инерции принимали её за наследницу коммунистических традиций прошлого. В то же время на левом фланге существовали и другие организации, апеллировавшие к советскому политическому наследию, — от сталинистской и радикальной Российской коммунистической рабочей партии до леводемократической и умеренной Социалистической партии трудящихся. Украинская политическая сцена знала успех Социалистической и Коммунистической партий, а в Молдавии местная компартия даже оказалась на некоторое время у власти.

Однако история почти всех партий, построенных на обломках КПСС, представляет собой непрерывную деградацию — идейную, электоральную, численную. По мере того, как невозможность механического возврата в советское прошлое становилась очевидной не только для политиков, но и для масс, а на первый план выходили новые вопросы, привлекательность этих организаций падала. Так же неуклонно происходило и движение этих партий вправо: от советских традиций — к имперским, от социалистических лозунгов — к державной риторике, от формального интернационализма — к открытому шовинизму, ра-

сизму и антисемитизму. Стремление соединить в одном блоке «красных» и «белых» всегда было характерно для лидера КПРФ Геннадия Зюганова, другой вопрос, что эта политика наталкивалась на тихое сопротивление в рядах собственной партии, что способствовало периодическим расколам и размежеваниям. Молодежь, вступавшая в КПРФ для того, чтобы бороться с капитализмом, обнаруживала себя в рядах консервативной организации, обеспокоенной сохранением древнемосковских традиций и православного благочестия, угрозой масонского заговора. Постепенно политика сменялась коммерцией, а игра по правилам «управляемой демократии» превратила КПРФ в элемент авторитарной системы управления настолько, что даже идеологическая критика партии утратила всякий смысл. В рамках сложившегося порядка просто не было места ни для серьезной политики, ни для осмысленной идеологии.

Показательно, что все те же тенденции можно проследить, хоть и в несколько более «мягком» виде, рассматривая историю украинских партий — социалистов и коммунистов. Результат и там, и тут был плачевный. Потеря влияния, распад членской базы, превращение «борцов с антинародным режимом» в придаток власти. Несколько в стороне стоит молдавский сюжет, когда победившая на выборах компартия, возглавив страну, начала проводить всё тот же неолиберальный курс, лишь иногда прибегая к отдельным мерам «социальной коррекции». Политический итог оказался, впрочем, весьма схожим. Не только

утрата власти и значительной части авторитета, но и серия расколов, эрозия членской базы, потеря политической перспективы.

Увы, успех более последовательных постсоветских компартий и их более порядочных лидеров был не намного большим. Можно опять же объяснять происходящее тем, что эти партии, во-первых, опирались на устаревший и не обновляемый идейный багаж (остатки советского марксизма, которые даже не пытались сверять с «подлинниками» Маркса или Ленина), а во-вторых, с давлением власти, которая не пускала радикальных левых «в телевизор», лишала регистрации, не допускала к выборам.

Между тем понятно, что влиятельная внепарламентская сила всегда сможет преодолеть преграды, которые ставит власть. Примером могут служить те же большевики, да и коммунистические партии Запада в 1920-е и 1930-е годы. Борясь в куда более сложных условиях, в подполье, в тюрьмах, они добивались политического влияния и массовой поддержки.

Если проблема РКРП и других организаций, вышедших из сталинской традиции, состоит в первую очередь в неадекватности их идеологии, в устарелой теории и непонимании современного общества, то разумно было бы ожидать, что новые левые, свободные от советских догм, должны были бы добиться большего. Увы, всё обстояло несколько иначе.

Различные группы и организации «демократических левых», радикальных социалистов, анархистов

и некоммунистов, существовали ещё в СССР, зачастую ведя борьбу на два фронта — с официальной бюрократией и с либеральными идеями, господствовавшими в диссидентском движении. Во времена перестройки начинается рост групп, пытавшихся возродить революционные традиции, уничтоженные сталинской системой. Появляются на свет неонародники и последователи меньшевиков. Идут острые дискуссии о наследии самой большевистской партии. Переводят на русский язык западных левых мыслителей — от Герберта Маркузе до Мишеля Фуко, от Эрнеста Манделя до Иммануила Валлерстайна, от Дьердя Лукача до Джованни Арриги. Вырастает целое поколение интеллектуалов, прекрасно знакомых с марксистской традицией, внимательно читающих «Капитал», открывших для себя Ленина, прекрасно знающих Троцкого, знакомых с идеями Розы Люксембург, великолепно ориентирующихся в нюансах различий между взглядами на партизанскую войну у Мао Цзедунa и Че Гевары. Однако всё это не конвертируется ни в политическое влияние, ни в организационный потенциал.

Растущая популярность левых идей в России — факт не вызывающий особых сомнений. Проблема в том, как заставить эти идеи работать. Даже овладев массами, идея не становится автоматически материальной силой, если нет организации, стратегии и политики.

Попытки построить партию или хотя бы крупную марксистскую организацию предпринимались неоднократно с 1990-х годов, и так же неизменно проваливались. Широкие

коалиции, механически объединявшие всевозможные левые группы, разваливались. А попытки создать партию или союз на основе более или менее однородной идеологии приводили к возникновению сект или, наоборот, дискуссионных кружков.

Ни секты, ни дискуссионные кружки основной массовой организации стать не могут, просто по своей органической природе — они ориентированы на самовоспроизводство и самосохранение и тем более стабильны, чем более стоят спиной к внешнему миру. Разумеется, это отнюдь не означает отсутствия взаимодействия, например, с социальными движениями или рабочими профсоюзами. Но вопрос в том, как, для чего, каким образом строится это взаимодействие? Сектантско-кружковый принцип предполагает, что работать с социальными движениями можно одним из двух способов: либо просто участвовать в них, поддерживать все их начинания, выступая своего рода бескорыстными помощниками любого протеста; либо вести в рядах протестующих разъяснительную работу, доказывая, что всё зло — в капитализме, объясняя системную природу проблем, с которыми сталкиваются те или иные слои общества. В последнем случае успех работы определяется тем, сколько активистов социального движения удалось «завербовать», затащить в свой кружок, идейно «поднять до своего уровня». Однако движение в целом остается на прежнем уровне, не развивается и, по большей части, заходит в тупик. Идеальная работа левых в соци-

альных движениях оказывается неэффективной потому, что нет ответа на вопрос, что левые могут предложить этому движению как таковому, как они хотят повлиять на его развитие, программу, стратегию, организацию. В лучшем случае борьба за гегемонию внутри социального движения сводится к выдавливанию из него фашистов и националистов или к вялой полемике с либералами по общим вопросам. Но даже если гегемония завоевана, если именно левые идейные позиции доминируют среди активистов и лидеров протеста (что сегодня встречается не так уж редко), что это дает движению? Как влияет на его деятельность, программу, повестку дня?

Проблема не в том, что предложений или идей нет, что левые, якобы, не имеют программы, а в том, что сектантски-кружковая практика делает ненужной и невозможной работу по формированию общественной повестки дня.

Осознание этой ситуации, стремление выйти за пределы сектантской псевдополитики и потребность в объединении в 2010-2011 годах наблюдается среди левых повсеместно. К тому же за два десятилетия, прошедших со времени распада СССР, острота разногласий и противостояния между различными идейными традициями в значительной мере сошла на нет. Активисты, считающие себя «продолжателями дела Ленина и Сталина», не видят большой беды в том, чтобы сотрудничать с троцкистами, а различия между более умеренными и более радикальными левыми всё более

стираются под влиянием кризиса. Все понимают, что самоопределяться надо не по отношению к традициям прошлого, а в соответствии с задачами социальной и политической борьбы дня сегодняшнего. Однако, парадоксальным образом, даже искренние и сознательные попытки изменить ситуацию, преодолеть сектантство и создать нечто качественно новое, ожидаемых результатов не дают. Построить новую левую партию на основе объединения кружков и сект не получается. И не в идейных разногласиях дело, не в амбициях и не в столкновении групповых интересов, а в том, что новая организация может быть создана только на основе нового массового движения, в котором левые, прошедшие школу кружков и сект, могут выступить в качестве своего рода идейного фермента, катализатора политического процесса, но никак не в качестве основы, на которой всё строится.

Но где массовое движение? Оно то возникает, то исчезает, как призрак коммунизма, описанный Марксом в 1848 году. В обществе происходит постепенная политизация, но она неравномерна, а главное не соответствует нашим пожеланиям и, зачастую, прогнозам. Видимо дело не только в осознании проблемы и готовности её решать, но и в том, чтобы найти нужное решение, алгоритм политических действий.

А такой алгоритм не может быть выстроен без понимания социальной и политической ситуации в России и других странах постсоветского пространства, ситуации, которая,

если и не уникальна, то явно не соответствует готовым шаблонам, привычным для отечественных левых. Противоречивость политического момента, переживаемого Россией в 2011-2012 годах, состоит в том, что кризис отечественной социально-экономической модели капитализма обострился до того предела, когда воспроизводство этой системы становится технически невозможным, а её распад — исключительно делом времени. А жесткая и неэффективная система управления гарантирует, что развал системы неминуемо примет форму политической революции. Но на фоне объективной неизбежности системного краха, социальные связи в обществе крайне слабы, его классовая структура является рыхлой, культурные традиции — крайне ослабленными, рабочее движение — незрелым и малочисленным. Именно это и предопределяет неудачу попыток построить более или менее «правильную» левую партию, модель которой тесно связана с опорой на жесткую и определенную социальную базу. Короче, революционная ситуация есть, а революционного субъекта нет.

Значит ли это, что левая политика или левая партия в России сегодня невозможны? Нет, не значит. Это лишь значит, что практическая реализация левого политического курса и организационное осуществление левого партийного проекта становятся возможными лишь через формирование широкого общественного блока, в котором социалистическая программа может постепенно кристаллизовываться в ходе его

развития, в ходе борьбы.

Речь идет не о создании «общедемократического блока» с либералами, а, наоборот, о формировании народного демократического блока против власти и либералов, которые, в сущности, представляют собой две стороны одной медали. Кризис верхов и раскол элит, неизбежно сопровождающий экономический кризис, может быть использован тактически, но эта тактика не может заменить стратегию. Именно создание прогрессивного блока, начинающегося с оборонительной борьбы за социальные права, здравоохранение и образование, за ценности Просвещения и принципы народовластия, становится единственно

возможным ответом на начавшийся уже распад системы «управляемой демократии». Очевидно, что сопротивление неолиберализму, безумным реформам в социальной сфере, медицине и образовании становится консолидирующим фактором новой политики. В условиях, когда нет и не может быть в России массовой базы для буржуазной демократии, любая последовательно демократическая сила объективно будет сдвигаться влево. Но для того, чтобы создать такую силу, нужно осознать смысл демократической программы, состоящей не в уважении к формальным процедурам, за которые так ратуют либералы, а в уважении к непосредственным правам, интересам и воле народа.